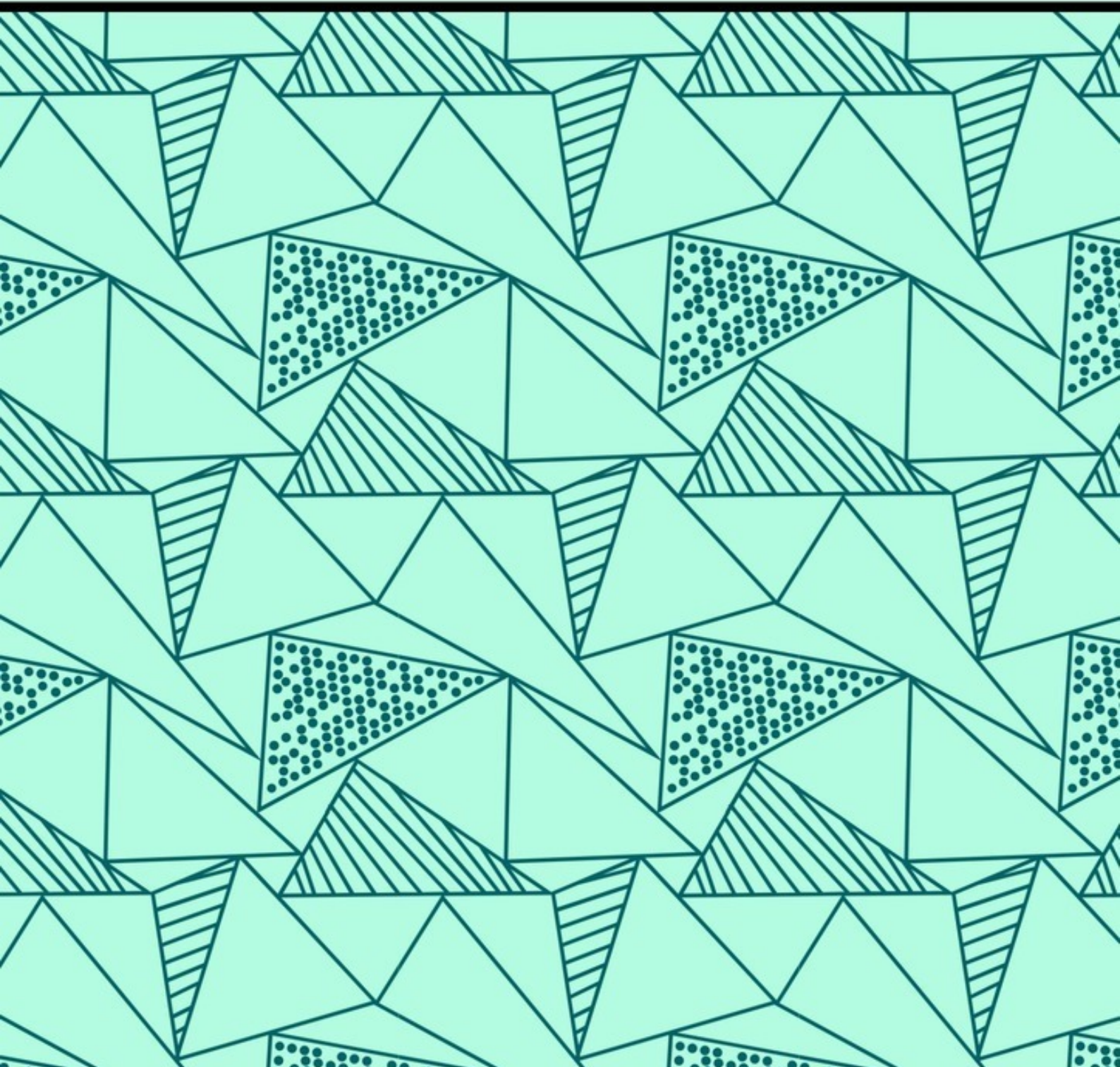

ЭЛЕОНОРА КРЕМЕНСКАЯ

Адам Бесподобный

Элеонора Кременская

Адам Бесподобный

«Издательские решения»

Кременская Э. А.

Адам Бесподобный / Э. А. Кременская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834251-6

Под ярким утренним солнцем блестело голубовато-белой водой марсианское море. Буйно разросшиеся цветы соперничали в росте с саженцами земных деревьев...

ISBN 978-5-44-834251-6

© Кременская Э. А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	16
5	19
6	23
7	28
8	31
9	33
10	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Адам Бесподобный
Элеонора Александровна Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2016

ISBN 978-5-4483-4251-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В милый сердцу городок на Волге, учительница русского языка и литературы, Зоя Михайловна Разумовская приехала ранним утром. Оставив машину в спящем дворе элитного квартала, прошла через пустынную площадь, где одинокая поливочная машина, обрызгав весь асфальт, остановилась возле оригинальных цветочных клумб. Оригинальность заключалась в изящных скульптурных композициях, сплетенных из прочной проволоки и в целом изображающих персонажей русских сказок.

«Наверное, любители селфи толкуются здесь денно и ночью», – сонно подумала Зоя Михайловна, вспоминая своих учеников, использующих для прославления себя любимых любую возможность. Каждый метр школьного пространства, таким образом, был зафиксирован и выложен на страничках социальных сетей. Неугомонные «себяки» фотографировали даже школьные завтраки, что Разумовская, сама увлекающаяся в молодости фотографированием, никак не могла понять. Изредка, она доставала из шкафа коробку, где хранились ее первые снимки с бесконечным рядом видов рассветов, закатов, с лентами дорог уходящих за горизонт, первомайскими шествиями. Будучи студенткой, она подвизалась в качестве фотокорреспондента районной газеты. Снимала, конечно, передовых колхозников и колхозниц, но в коробке оседали фотки ромашковых полей и деревенских церквей.

В семейном фотоальбоме хранились снимки из туристических поездок в горы и санаторно-курортного лечения Евпатории, где молоденькая Зоя Разумовская позировала в компании друзей. Но таких снимков было не много, не в пример тем селфи, что шелкают очумевшие от возможностей похвастаться каждым шагом своей жизни заядлые любители самопрославления. Да и чем хвастаться? Тарелкой горохового супа? – Глупости!

Преодолевая усталость, Зоя Михайловна направилась к летнему кафе, где столики были выставлены на набережную. Пробежав глазами меню, она заказала усталому официанту чашечку крепкого черного кофе и вазочку мороженого, где выложенные шариками из клубничного, земляничного, шоколадного и бог весть еще какого, пирамидальное сладкое, холодное сооружение можно было долго смаковать.

На оркестровой эстраде потихоньку играл оркестр из трех музыкантов. Были еще, но расстегнув фраки они, уронив головы на грудь, спали, используя громоздкие музыкальные инструменты в качестве опоры. Трое играли нечто прекрасное: виолончелист расслабленно выводил смычком, тише и тише, весь откинувшись и готовый вот-вот присоединиться к спящим товарищам; скрипач выглядел более активным, но черные тени под воспаленными красными глазами выдавали степень усталости и бессонной ночи; третий, глядя вверх на проплывающие в розоватом небе облака, отрешенно выдувал на флейте.

– Оркестр пьяных инструментов, – хохотнул возле нее мужчина.

– Разрешите представиться, – галантно поклонился он, заметив ее внимание, – Адам Бесподобный!

– Почему Бесподобный? – не поняла она, привычно, чисто по-женски оглядывая его с ног до головы.

Зоя Михайловна побывала замужем, но не долго, два-три года, об этом периоде жизни она не любила вспоминать, однако оставшись в гордом одиночестве, нет-нет, да и посматривала с интересом в сторону потенциальных соискателей ее любви.

Адам, явно ее ровесник, наклонился к желтым кустам, бесцеремонно сорвал маленький бутон декоративной розы, протянул ей.

– Но все же, почему Бесподобный? – приняв розу, настаивала она.

– Романтичнее звучит, – честно признался он, приземляясь за ее столик, – что вы заказали? А, впрочем, не надо объяснений. Человек!

Адам властно прищелкнул пальцами.

Усталый официант приплелся из кухонного пространства, где еще стоял дым коромыслом, готовились блюда и аппетитные ароматы плыли по воздуху.

– Будьте любезны, мне тоже, что и даме!

– Кофе и мороженое? – усомнился официант, не доставая блокнот для записей заказов.

Бесподобный задумался, тряхнул головой, приводя в беспорядок не стриженные волосы, свешивающиеся до воротничка мятой рубашки.

– Пожалуй, не осмелюсь отведать столь дивные лакомства, – сказал он с сарказмом.

– Тащи мне коньяку и лимона! – прихлопнул по столу и с вызовом уставился на Разумовскую.

– Продолжаете банкет? – съязвила Зоя.

– Предвкушаю! – закатил глаза Адам Бесподобный и облизнулся, получив от официанта бутылку коньяка, чистую рюмку и блюдо с нарезанными дольками лимона щедро пересыпанного сахарным песком.

– Зойка! – прозвучало набатом в сонном царстве кафе.

– Кто это? – отрезвел Адам, всматриваясь в двух дам, приветливо улыбающихся и ему, и его собеседнице.

– Мои подруги, – ответила Зоя Михайловна, обрадовано обнимаясь с вновь прибывшими, – вот это Вера Павловна, а это Нева Никитишна.

– В честь реки Невы, – пояснило Бесподобному существо в струящемся по тонкой гибкой фигурке шелковом платье золотистого цвета.

Ослепленный Адам зажмурил глаза, сквозь ресницы просочились слезы.

– А это, – не успела договорить, как мужчина бежал, забыв выпивку на столе, – Адам Бесподобный!

Закончила она, растерянно провожая взглядом поспешно удаляющегося мужчину.

– Да и шут с ним, – отреагировала Вера Павловна, жестом классной дамы поправляя сползающие с носа круглые очки, – будь моя воля, наложила бы на себя обет молчания, чтобы ни с одним мужиком не разговаривать!

– И кого бы ты наказала? – повела плечом Нева Никитишна, допивая рюмку коньяка бежавшего Адама.

Вера не нашлась, что ответить, крепко сжала губы и тряхнула головой, позволяя короткому ежику волос пепельного цвета чуть шевельнуться.

Нева, снисходительно поглядев на подругу, нарочито медленно запустила пальцы в длинные пряди волос невиданного цвета, где доминировал ярко-рыжий, а на кончиках волос задергался темно-фиолетовый.

– Подумаешь, – обиделась Вера, отворачиваясь от подруги.

– Девочки, не ссорьтесь! – умоляюще попросила Зоя. – Что вы как маленькие?

Вера в ответ на мольбу, встрепенулась, улыбнулась Неве, в ее грустных глазах усиленных толстыми стеклами очков было столько терпеливого сострадания, что Нева смутилась, а потом наклонилась, поцеловала подругу в щеку.

– Вот и хорошо, – захлопала в ладоши, Зоя, – миру мир, кто поссорится, свинир!

– Зойка, – пьяно покачнулась Нева, – где ты остановилась, Зойка?

– А вы? – строго нахмурилась Зоя Михайловна, отбирая у подруги бутылку коньяка.

– Так, дачу же сняли! – напомнила Вера Павловна и перевела недоумевающий взгляд на Неву. – Подруга, ты никак, наклюкалась?

– Вещи ваши на даче? – уточнила Зоя Михайловна, поднимая опьяневшую Неву.

– Разобраны! – закивала Вера, поспешно огибая столик, чтобы подхватить пьяную подругу под руку.

Музыканты сыграли им марш славянки. И только преодолев весь путь обратно до автомобиля, Разумовская остановилась, хлопнув себя по лбу:

– А счет? Я позабыла оплатить счет!

– Подумаешь! – рассердилась Вера Павловна, в одиночку подпирая тело пьяной Невы. – Не обеднеют!

– Ай-ай и это говоришь мне ты – актриса театра юного зрителя, так сказать, культурная дама...

– С БАМа, – выдохнула очнувшаяся Нева Никитишна и полезла в салон машины.

Бросив всего один осторожный взгляд назад, Зоя Михайловна не увидела преследователей в виде усталого официанта или оркестра пьяных инструментов.

К тому же, оркестр успел погрузиться в автобус, что, как после заводской смены рабочих, развозил музыкантов по домам. А официант, прикорнув в уголке сбавлявшей обороты готовки кухни, спал с открытым ртом, абсолютно позабыв и о Зое Михайловне, и о неоплаченном коньяке Адама Бесподобного.

2

Утро застигло Бесподобного врасплох. Под утренними лучами блестели свежим блеском капли росы. Поеживаясь от прохладного воздуха, он с трудом распрямил одеревеневшие ноги и слез с гамака, где, видимо, провел всю ночь.

«На автомате добрался», – усмехнулся Адам и сглотнул.

Во рту у него пересохло, мучила похмельная жажда.

– Ой, девчонки, как мне плохо! – донесся стон с соседнего дачного участка.

Адам по некошеной, мокрой траве пробрался к глухому забору, заглянул в дырочку.

В большой деревянной бочке плескалась полуголая женщина. Окунала в бочку лицо, зачерпывала ледяную воду в ладони, дополнительно поливала голову и волосы невообразимого цвета.

– Нева! – вспомнил Адам.

– Что? – оглянулась Нева Никитишна и зябко повела покатыми плечами. – Допилась, голоса чуждые!

– А ты бы не пила! – укорил ее Адам, не высовываясь из-за забора.

– Кто это говорит? – испугалась Нева.

– Я говорю!

– Кто, я?

– Я!

– Девочки, – взвизгнула Нева, опрометью бросаясь внутрь дачи.

Не дожидаясь реакции остальных дачниц, Адам прошел в открытый дом.

Его отец, строитель в четвертом поколении, знал свое дело, когда строил дом, используя часть земли, выделенную государством семье Бесподобных под дачный участок.

Адаму напрягаться с пресловутым капитальным ремонтом – мучением всех горожан, не приходилось. Построенный на века каменный особняк мало походил на легкие «фанерные» домики соседей дачного поселка.

Распахнув холодильник, Адам с удовлетворением отметил, что склонность к запасливости, унаследованная им от матери и тут не подвела.

В два больших глотка опорожнив пол-литровую банку с рассолом, он с удовольствием сжевал несколько малосольных огурцов, но заметив в окно решительные лица трех подруг, по всей вероятности решивших разобраться с ним, как непременно разобрались бы с мелким хулиганьем, улыбнулся, предвкушая развлечение.

– По-вашему можно подглядывать и пугать меня глупыми комментариями? – вызывающе глядя на него, спросила Нева.

Он внимательно оглядел ее, даже в домашнем халате она была хороша.

– Это судьба! – заявил Адам. – Мы снова встретились!

– Что значит, снова? – близоруко прищурилась на него Вера Павловна.

– Ой, девочки, это же наш беглец – Адам Бесподобный! – ойкнула Зоя Михайловна.

Инцидент был исчерпан.

Адам глаз не сводил с Невы, она уселась так, чтобы выгодно подчеркнуть все прелести своей фигуры.

Зоя Михайловна и Вера Павловна хлопотали с праздничным завтраком, обозвать затевающийся сабантуй праздничным обедом было нельзя, ранний час утра не позволял.

– Ах, Адам, вы такой хозяйственный мужчина! – похвалила его Зоя Михайловна, принимая из рук хозяина дома, свежую зелень для салата, срезанную им на огороде.

– А мы знаете, тоже кое-что посадили, – незаметно отпихивая Зою со своего пути, обворожительно улыбнулась ему Вера.

Адам бросил быстрый взгляд на скучающую Неву, в отличие от подруг, она ничего не делала, сославшись на плохое самочувствие, попивала рассол из откупоренной банки с маринованными огурцами, смотрела томным взглядом на Бесподобного.

Девочки были разными: Вера – суетлива, поверхностна, зависима от мужчин; Зоя – сомневающаяся, но при том нуждающаяся в мужском внимании; Нева – вполне возможно роковая женщина, но так ли это? Адам не знал.

Он покачал головой, с удовольствием вдыхая вкусный запах мясного рагу. Вера Павловна с победным видом подняла вверх большую ложку:

– Я лучшая в мире повариха!

– Нет, я! – заспорила с ней Зоя Михайловна и, обхватив обеими руками блюдо летнего салата, преподнесла свое произведение поварского искусства Адаму. – Оцените!

Попросила она.

– Девочки, не ссорьтесь! – устало произнесла Нева, широко зевнув.

И Адам мгновенно понял, Нева Никитишна не роковая женщина, скорее напротив.

«Феминистка!» – отшатнулся он, в ужасе от своей догадки.

Феминистки представлялись ему такими угрюмыми амазонками, готовыми кастрировать каждого мужчину при любой возможности.

По мере наблюдения за мужскими замашками Невы, крепло его убеждение. А вместе с убеждением появилось и своего рода отвращение, завлекать мужчин большой грудью, тонкой талией, длинными, гладкими ногами, как гадко, думал Адам, нервно кусая угол бумажной салфетки.

– Что, у доброго хозяина водочка есть? – спросила у него Нева, оглядев тарелки для салатов и горячего.

Пораженный ее чарующим грудным голосом, Адам медленно поднялся из-за стола.

А когда вернулся из кухни в гостиную, где за круглым деревянным столом происходило пиршество, замер, услышав последние слова Веры Павловны, обращенные к Неве:

– Ну, почему все тебе, он тебе даже не нравится, а нам с Зоей очень даже...

Прервала она саму себя, смущенно заливаясь краской стыда, когда Адам, бережно неся запотевшую от ледяной обстановки холодильника, бутылку водки, переступил порог комнаты.

В воздухе, залитом солнечным светом, словно бы мерцали золотые пылинки и светились ореолом рыжие волосы Невы.

– Адам, – позвала она, капризно надувая губки, – скажите нам, Адам, кто из нас вам больше всех нравится?

– Нева, перестань! – возмутилась Зоя, но украдкой бросила на него взгляд, кокетливо поправила прическу.

– Не знаю, – честно ответил Адам и втянул носом воздух, – я всегда по запаху определяюсь.

– По запаху? – подпрыгнули его гости и зашумели, требуя пояснений.

– Надо лишь, чтобы искусственные ароматы отсутствовали, – неуверенно, опасаясь насмешек Невы, произнес Адам.

– И что тогда? – хмуро спросила Нева.

– Почувствуешь настоящий запах человека, – пожал плечами Адам.

– Запах нечищенных зубов, потных подмышек и грязных носков? – с сарказмом продолжала допытываться Нева.

Адам, не сводя с нее настороженного взора, отступил к двери.

– Не совсем!

– Ой, девочки, как же вы не понимаете, – воскликнула Вера Павловна, восторженно, почти влюблено глядя, сквозь толстые стекла очков, в глаза Адаму, – он же экстрасенс и говорит совсем о другом запахе, неосознаваемом обычными людьми, запахе души!

– Да? – удивилась Нева.

Адам призадумался. Никакого другого объяснения подобрать не смог и с позволения подруг, приблизился к сгорающей от нетерпения Вере. Втянул носом воздух. Прислушался к своим ощущениям, объявил:

– Пахнет черной смородиной и чистым лесным ручейком.

– Ой, девочки, – зажала рот руками Вера, захихикала, – черная смородина – моя самая любимая ягода, а лесные ручьи я просто обожаю!

Адам перешел к Зое:

– Пахнет дымом деревенской печки и шаньгами!

Зоя Михайловна пригнулась, будто от удара:

– Мое детство, – прошептала она, потрясенно оглядываясь на подруг, – девочки, он говорит про мое детство! Я обожала русскую печь и помогала бабушке печь шаньги!

Она горько заплакала. Вера принялась ее утешать.

– Ну, а обо мне что скажете, господин колдун? – протянула ему холеную руку Нева Никитишна.

Адам понюхал:

– Пахнет горькой пылью степных просторов и конской сбруей!

Наступила тишина. Нева во все глаза смотрела на Адама:

– Бесподобный, – прошептала она, – вы – бесподобны!

Подруги разразились бурными аплодисментами. Адам раскланялся.

– Но все же, Нева, почему от тебя пахнет конской сбруей? – смеясь, задала вопрос Вера Павловна.

– Меня отправляли на каникулы к дедушке, – погрузнела Нева, – дедушка работал конюшим, и я все лето с седла не слезала, помогала ему управлять табуном породистых скакунов!

– Но при этом у вас красивые ноги! – не удержался от комплимента Адам, внутренне похвалив себя за сравнение Невы Никитишны с амазонкой.

– О, да! – подтвердила Нева, без стеснения вытягивая длинные ноги.

В этот момент, вся шелуха вызывающего поведения с нее слетела, оставив красивую, но хрупкую душу испуганно съежиться под его пронзительным взглядом.

3

Несмотря на хмурое небо, погода, как будто обещала наладиться. В просветах между свинцовыми тучами то и дело мелькали пятна голубого неба. Высокие сосны качали зелеными верхушками, и казалось, тянулись к той частице солнечного света, что еще чувствовалась в теплом воздухе.

Скрипнув дверью покосившейся избышки, седоволосый мужичок по имени Адам подозрительно глянув на тучи, крикнул куда-то в избу:

– Не-а, дождя, стало быть, не будет!

В избе отсутствовал электрический свет.

Вокруг стоявшей на столе свечки жужжали комары.

– Я думал, мотыльки на пламя летят! – с удивлением произнес лохматый, заросший мужик бомжеватого вида, наблюдая скопище погибших вокруг свечи кровососов.

– Надо бы сменить, – посетовал Адам, разглаживая на деревянной столешнице скатерть, всю в пятнах от чая, кофе, соусов и прочих прелестей продуктового мира.

– А за электричество ты не переживай, – усмехнулся бомж, – свет мы тебе враз наладим.

И насупился:

– «Единороги» проклятые, повадились нищету прижучивать, провода за неуплату обрезать!

– У тебя специалист есть? – спросил Адам, натягивая неприметную одежду.

– Все мы специалисты, – ощерился, демонстрируя один-единственный зуб во рту, бомж, – когда надо и зубы сами себе вырвем, и аппендицит вырежем, и электричество починим!

По тропинке выющейся между заключенными в ряды колючей проволоки дальними огородами, они прошли к полустанку, где под ржавой крышей томился в ожидании электрички народ.

– Скоро таратайка прибудет? – спросил бомж у Адама.

Адам привычно скользнул взглядом по скопившимся у края полустанка фигурам ожидающих.

– Минут десять осталось, вишь, люди, как вольготно фланируют, почти не нервничают, перед посадкой не скапливаются.

– Тады успеем!

Бомж, пользуясь, как прикрытием, густо разросшимися кустами ивняка, бросился к огородам.

– Там колючка! – предупредил Адам, наступая приятелю на пятки.

Бомж молча продемонстрировал ему кусачки.

Набрав полную сетку свежей картошки, они влезли на выступы последнего вагона электрички, мертвой хваткой вцепились в железные опоры и помчались с ветерком.

На очередном полустанке бомж весело глянул на окоченевшего Адама:

– Зато бесплатно!

Адам ответил слабой улыбкой:

– Пока не зима, терпимо!

– Нищebroды! – хохотнул Леха и, перехватив тяжелую сетку с картошкой, доверительно сообщил. – Вовчик жареху с грибочками очень уважает, за такую жареху, что угодно сделает!

– Будет ему жареха! – кивнул на край банки с засоленными маслятами, высовывающейся из оттопыренного кармана фуфайки, Адам.

– Живем! – рассмеялся Леха, вовремя прижимаясь всем телом к холодному боку дернувшейся в последнем рывке перед Москвой, электричке.

Спрыгнув с высокой платформы на пути, приятели не спеша взобрались на другую платформу, прошли вдоль алюминиевого забора немного назад, отогнули одну пластину, пролезли в образовавшуюся дыру.

– Хлипко как у «единорогов» устроено, – хмыкнул Леха.

– И трубы пластиковые, – подтвердил Адам, не без злорадства наблюдая за толпами пассажиров снующих по платформе ярославского вокзала.

– А эти платят, – прокомментировал, проследив за его взглядом Леха, и скорчил насмешливую гримасу, – за капремонты, коммуналку, за лапти, за воздух.

После, страшно толкаясь и создавая дополнительную суету, они влезли с толпой пассажиров в автобус, что следовал в нужном для них направлении.

И кондукторша не смогла пробиться, на заднюю площадку, а получив за проезд от постоянно меняющихся платежеспособных пассажиров, в изобилии то влезających, то вылезających на своих остановках и вовсе отстала выкрикивать, что не все еще передали за проезд.

Адам в окно не глядел, чего там рассматривать? – Бесконечные рекламные плакаты с жизненерадостными лицами людей, будто прилетевших с другой планеты? Приближались выборы и плакатные «единороги» попадались повсюду, бесцеремонно вытеснив вечную, как жизнь, рекламу акций и скидок конкурирующих между собой мегамолов.

Не смотрел Адам в окно еще и по причине внутренней озлобленности, некоего состояния озверения, когда видел обязательных гастробайтеров, смуглолицых таджиков с метлами в руках, нет, он не был расистом, гнев у него вызывал тот факт, что дворники с их неустанным рвением к чистоте дворов и улиц – одна из самых низкооплачиваемых профессий в России, хотя попробуй, помаша метлой день-деньской, руки отвалятся! Правда, история с расизмом все же в жизни Адама была, он как-то повздорил с цыганами да и, то, потому что вместо благодарности за шоколадку, подаренную им цыганенку, грязному мальчишке с голодными глазами, получил моральный и материальный ущерб. Цыганка, так его загипнотизировала, что Адам вместе с единственной сотней рублей едва последнюю рубашку не отдал, но вовремя опомнился.

Выскочив из автобуса, приятели обогнули толпу уверенных в себе цыганок, горласто предлагающих погадать, увернулись от ловких ручонок цыганят, попутно выпрашивающих у прохожих подаяние и, нырнув в подворотню, оказались в квадратном дворежке жилых домов.

Нужный им подъезд был без домофона.

– Вовчикова работа, – кивнул на вырванный с мясом домофон, Леха, – ибо, не фиг ставить замки на места всеобщего пользования!

Кивнул он и прошел внутрь пахучего, темного подъезда.

– Лампочек нет, – пожаловался Адам, с трудом нащупывая ногой щербатую ступеньку.

– Тебе не привыкать в темноте шарашиться! – хохотнул Леха. – Кроту кротовое милее!

Возле двери квартиры «специалиста» приятели притормозили, кнопка звонка отсутствовала, ручка двери была выдрана, а в дыру можно было разглядеть, что делается в коридоре и на кухне.

У посетителей вошло в привычку вначале заглядывать в дыру размером с кулак, а уже после, прижавшись губами, рывкнуть, сообщая хозяину дома о своем прибытии.

На двери красовался замок, но ключи потерялись, уходя, Вовчик просто прикрывал двери. По возвращении его всегда ожидал сюрприз в виде друганов с бутылкой или беззубых, опухших от вина, подружек, расположившихся на кухне, как у себя дома.

За столом сидели двое мужчин.

– Литературная страница – это такая же часть газеты, как твоя собственная колонка криминальных происшествий, – доказывал один с разбитыми, перемотанными белым лейкопластырем, очками.

– Пойми ты, наконец, люди предпочитают юмористические рассказы передовицам, – сердился он, краснея, продолжая наседать на плешивого, равнодушного толстячка пьющего портвейн стакан за стаканом.

– Будто воду хлещет, – уважительно косясь на лысого, прошептал Леха на ухо Адаму.

– Рассказы для них на первом месте, а передовые статьи на последнем. Ну-ка, пойдди, допроси любого прохожего, с какой страницы он начинает читать газету и прохожий тебе ответит, с последней, потому как она самая интересная!

В этот момент взгляд его упал на двух приятелей, застывших в дверях кухни.

– Во, народ пожаловал! – распахнул он объятия.

Плешивый выудил из стопки пластиковых стаканов, громоздившихся на столе, парочку, без дальнейших слов, налил.

– Закусывать нечем, – кратко сообщил он, разглядывая приятелей водянистыми глазами.

– Как это, нечем? – возмутился Леха, поднося собутыльникам тяжелую сетку с картошкой.

– О! – перехватил инициативу очкарик. – Мигом нажарю!

– Где же Вовчик? – осмелился нарушить создавшуюся атмосферу взаимопонимания, Леха.

– Опился и дрыхнет без стеснения, в комнате, – ткнул пальцем в сторону закрытой двери, плешивый и воззрился на приятелей, – будем знакомы?

Плешивого звали Кириллом Петровичем, а очкарика просто Павлушей. Оба работали в редакции крупной московской газеты.

Причем, Павлуша резко отличался от немногословного, деловитого Кирилла Петровича поверхностным отношением к жизни.

Застенчивый и робкий, романтик до последней капли вина в своем стакане, он влюблялся и разочаровывался беспрестанно. Под покровом ночи прокрадывался в подъезд дома возлюбленной, оставляя на коврике двери букеты цветов. В почтовый ящик умудрялся засовывать коробки конфет, шоколадки, записки со стихами Шекспира. При этом ему уже стукнуло сорок лет, далеко не мальчик, Павлуша скакал по жизни с розовыми очками на носу, пока одна зазноба не подстергла его.

Павлуша так и замер, уставившись на стройное спортивное тело, возмущенно дрожавшее под тонкой тканью кружевной сорочки.

– Ну? – спросила его «Дульсинея». – Долго безобразить будешь?

Он попытался, было, оправдаться, протягивая ей свой букетик, но она отбила цветы мощным хуком справа и придвинулась к Павлуше вплотную, заглядывая темными глазищами в самую глубину его души.

Павлуша затрепетал и упал на колени, он плакал, умоляя ее выйти за него замуж, ползал перед ней на четвереньках и вглядывался в ее пушистые домашние тапочки.

Она, подумав, пригласила его на кухню. После недолгих расспросов о работе, зарплате, наличии недвижимости и отсутствие алиментов на всех прошлых, позапрошлых детей, «Дульсинея» задумчиво протянула:

– Говорить можно что угодно, а вот ты мне документы на квартиру принеси, справку с места работы, сколько у тебя трудового заработка. В полицию сходи, возьми справку об отсутствии судимостей. К судебным приставам загляни, пускай отпишут, как там у тебя со штрафами, долгами по кредитам.

И закончила, упирая руки в бока:

– А пока что, милости прошу, пожаловать прочь!

Адам смотрел на собутыльника во все глаза:

– Неужто собрал?

– Справки? – уточнил Павлуша, пожевав губами, отрицательно мотнул головой. – Сил не хватило!

– Бюрократиха! – рассмеялся про «Дульсинею», Кирилл Петрович.

Неожиданно, веселье прервал хозяин квартиры. Вздохмаченный, не выспавшийся, он угрюмо присел за стол, вызвав бурю восторга у приятелей.

– О, Вовка проснулся!

– Штрафную тебе за опоздание!

Весело гудели они.

– Ребя, а мне сейчас советская столовка приснилась, – сморщился в непритворных слезах, Вовчик, – и горчица на столах, и бесплатный хлеб, бери, не хочу, и роскошный обед на рупь с ложкой жирной сметаны в супе.

Вовчик уронил лохматую голову на сложенные на столе руки и громко зарыдал.

В кухне воцарилось неловкое молчание.

Первым его нарушил Кирилл Петрович:

– А я мороженое любил, сливочное, за пятнадцать копеек!

– Газировку с сиропом, – прижмурился Леха, вспоминая трехкопеечное удовольствие.

– Молочный коктейль за одиннадцать копеек, – подхватил эстафету воспоминаний, Павлуша.

– Морковный салат в две копейки, – облизнулся Адам.

– А ты кто такой? – взглянул на него в упор, Вовчик. – Почему не знаю, как зовут тебя, мил человек?

– Адам, – и поспешно добавил, – Адам Бесподобный...

4

Вечером, Адам Бесподобный отвел трех дачниц в свои заповедные места.

Вера села рядом с Зоей на импровизированную скамейку в виде обструганного бревнышка.

Адам пошуровал в костре, переворачивая черные катышки картошки, уже запеченную, выкатывая палкой подружкам.

– Угощайтесь! – щедро разрешил он и посмотрел на худенькую Неву.

Лицо ее выражало печальную задумчивость.

Адам перевел взгляд на Веру Павловну, удивляясь тому нежному состраданию, с которым она, нет-нет, да и взглядывала на него. Такие женщины, как правило, наивны и просты, готовы любить ущербных алкоголиков, терпя от них побои и унижения, готовы оправдать противоправные, уголовные действия своих благоверных, любыми способами заботиться и лелеять обидчиков.

Адам вспомнил однажды виденную им очередь в тюрьму, когда тиская в руках узелки с передачками, жены зеков тихонько шушукаются о мужьях и проливают слезы умиления над ответными письмами, где мало слов о любви, но много требований курева и продуктов. Впрочем, бывают и исключения из правил, поправил сам себя Адам.

Зоя Михайловна, несмотря на морщинки, сосредоточившиеся по большей части вокруг глаз – признак того, что она любила смеяться, тронула сердце Адама некоей мудростью. Она заинтриговала его изучающим взглядом.

Адам обернул руку полотенцем, чтобы вытащить с краю костра вскипевший чайник.

– Ой, девочки! – восторженно пропищала Вера, отхлебнув крепкого сладкого чая, и потянула носом. – Пахнет травами!

Выразительно посмотрела на Адама.

Все засмеялись, вспоминая утренние опыты с запахами.

Адам перечислил:

– В чае мята, листья смородины, немного брусники.

Горящая ветка громко хрустнула и осела в костре.

– Бог в помощь!

Адам прищурился, стараясь разглядеть гостя сквозь языки пламени:

– С кем имею честь? – спросил он.

– Разрешите представиться, – стащил с головы пыльную кепку, человек, – заблудившийся прохожий!

– Кто заблудившийся прохожий? – встrepенулась Зоя Михайловна. – Вы?

– Я! – грустно вздохнул человек и робко присел на корточки возле костра.

Адам налил ему чаю в свою кружку и выгреб для него парочку запекшихся в костре картофелин.

Человек, безмолвно поблагодарил и принялся, жадно есть.

– Вы голодный? – всплеснула руками Зоя.

– Девочки, надо же накормить человека, – потрясенно наблюдая, как прохожий не ест, но заглатывает горячую картошку вместе с кожурой, произнесла Вера Павловна.

– Идемте к нам, на дачу, мы вас накормим! – решительно поднялась с пня обструганного неведомым плотником в виде стула, Нева Никитишна.

Адаму было велено затушить костер, что он и сделал, торопливо вылив весь чайник, сбегав к речке, что суетилась, прыгая прозрачными струями с камушка на камушек, рядом с шипящим, недовольным костром.

– Дайте, я вас осмотрю! – подступила Нева к заблудившемуся прохожему, когда они вошли в дачный домик трех подруг.

Мужчина отвел взгляд и позволил стянуть с себя грязную рубашку.

– Как давно вы не ели? – допрашивала Нева, выстукивая пальцами по худым ребрам.

Мужчина задумался, но не смог дать внятного ответа.

Адам принес тарелку утреннего мясного рагу.

Прохожий набросился, видно было, что он жутко проголодался.

– Погодите, – спохватилась Вера Павловна, – но также нельзя, может он не ел три дня, и надо было бы сначала куриным бульоном его накормить!

– Поздно! – криво улыбнулась Нева.

– Как вас зовут? – спросила Зоя Михайловна, заглядывая в воспаленные, красные глаза заблудившегося прохожего.

Он смутился:

– Не помню!

– Вы потеряли память? – воскликнула Нева и покачала головой. – Вам надо в больницу.

Она повернулась к Бесподобному:

– Адам, кажется, у вас в доме имеется ванна?

– Водонагреватель я уже включил, – перехватил ее мысль Адам, наблюдая, как гость жадно пьет компот, кружку за кружкой.

После, облаченный в чистую одежду Бесподобного, гость утомленно заснул, сидя в кресле.

Три подруги молча, смотрели на него.

– Что делать будем? – спросил у Невы, Адам.

– Ждать «скорую помощь», – пожалала она плечами, – без специализированной помощи психиатров трудно будет управиться!

– Вы по какой специальности? – робко спросил он, впервые обратив внимание на ее сильные пальцы.

– Акушер-гинеколог!

– Невочка, у нас деточек рожает! – прослезилась Вера Павловна.

– Детей принимает? – уточнил Адам.

И поскольку ответ был очевиден, он не обиделся на отсутствие подтверждения со стороны подруг.

На улице мигая огнями включенной сирены, остановилась «скорая помощь».

Ночью, Адам Бесподобный проснулся от громкого хлопка оконной рамы.

«Гроза», – вяло подумал он, собираясь повернуться на другой бок.

Но услышав ворчливые шепотки вроде бы двух человек, вскочил с кровати.

Адам Бесподобный был человеком с надломленной психикой, неуравновешенным характером и чрезвычайно обидчивой душой. Он мог оскорбиться одним косым взглядом собеседника и перестать в связи с этим поддерживать беседу. Ему постоянно мнились враги, а во время супружеской жизни, он был женат дважды, повсюду виделись любовники жены. Десять раз на дню он обшаривал шкафы, горя негодованием. Надеясь вывести жену на «чистую воду», старался улизнуть с работы, нагрять домой в неурочный час.

Оставшись в гордом одиночестве Бесподобный не бросил своих привычек. Вся его деятельность моментально перенеслась на соседей. Он сделался стукачом и без зазрения совести сдал участковому бабку Пелагею, решившую у себя дома нагнать самогон. Он знал всех

в округе и живо выжил ушлых кавказцев вздумавших перебивать номера с угнанных тачек в гараже съемного дома.

Поистине на таких адамов бесподобных следственному комитету молиться надо...

Тем не менее, стукнула рама и вроде бы соседнего дома, который хозяева, обычная русская семья, объединившаяся перед беспределом едроссовской власти в крепкий клан, использовала вместо дачи.

Бесподобный наморщил лоб, вспоминая, что соседи отъехали до завтрашнего дня в городскую квартиру помыться, постираться, условия в деревенских домах те еще, удобства во дворе, импровизированный душ в огороде. Пока вода для душа в бочке нагреется от солнечных лучей, сто лет пройдет.

Сам он мылся в баньке, что едва виднелась из-за зарослей лопухов, в глубине фруктового сада.

Вооружившись крепкой дубиной, Адам переступил порог своего дома, взгляделся в соседнюю избу.

Под неверным светом мигающего уличного фонаря разглядел приоткрытую раму окна.

«Воры!» – ахнул про себя Бесподобный и решительно направился к соседям.

Навесной дверной замок окончательно его убедил, что в доме преступники.

Недолго думая, полез в открытое окно. Прокрался на едва слышные шорохи, в кухню и внутренне злорадствуя, протянул руку к выключателю.

Вспыхнул свет, осветив перепуганные лица представителей младшего поколения, но соседей, по сути будущих хозяев дома. Подростки сидели за обеденным столом.

Бесподобный загляделся, как один намазывает хлеб маслом, укладывая на хлеб холодные ломтики курицы, сыра, помидора, сверху украшая зеленью.

– Вы чего, дед Адам? – спросил, глядя ему в глаза темными серыми глазищами, самый буйный из подростков.

«Как бишь его зовут?» – напряг память Бесподобный.

– Думал, воры залезли, – неискренне рассмеялся он.

– Хотите? – предложил подросток поскромнее.

– Хочу! – неожиданно для подростков согласился Бесподобный и полез за стол.

– А чего через окно? – спросил он чуть погодя, тщательно прожевывая бутерброд.

– Ключи забыли, – бросил бунтарь, исподлобья наблюдая, как прожорливый сосед уминает его ужин.

Бесподобный выпил весь морс из кувшина, икнул, сытно рыгнул и, кивнув на прощание, пошел на выход, к окну.

Вылезая, он слышал сердитое переругивание мальчишек по поводу никому не нужного гостеприимства, но, если честно, Адама Бесподобного это нисколько не волновало, уж такой у него был характер...

5

Ранним утром, Адам включил радио. Покрутил ручки настроек, увеличил громкость, когда услышал любимого диджея, болтающего о хорошей погоде и огородных делах.

Адам напряженно слушал бойкого ведущего, зачитывающего смс-ки прожженных дачников. Его живо интересовал вопрос борьбы с сорняками и возможность вырастить богатый урожай.

«А кого это не интересует?! – пожал он плечами.

В нашей стране практически все, так или иначе, крестьянствуют, кто по привычке, продолжая дела предков, кто из-за нищеты. Адам крестьянствовал и из-за того, и из-за другого. Прослушав передачу и дождавшись блока новостей, он громко прокомментировал события, упомянутые ведущим, а услышав бурчание желудка, направился в огород.

Редиска с листьями салата, перья зеленого лука с метелкой укропа его вполне устроили. Соорудив из зелени свежий завтрак, который, к тому же заправил оливковым маслом, он, взглянув на часы, прошел к домашнему телефону, что стоял у него на специальной полочке, в коридоре. Набрав номер больницы, поинтересовался состоянием больного без памяти, а услышав ответ, изумленно уронил трубку.

– Умер, – прошептал Адам потрясенно.

Через минуту, как есть, в халате и шлепках на босу ногу, он уже стучал в деревянную раму окна соседок.

– Что случилось? – высунула голову, увитую бигудями в форточку Зоя Михайловна.

Он кратко рассказал.

Зоя ойкнула и убралась внутрь комнаты.

– Почему я ничего не почувствовал? – растерянно бормотал он, пока подруги метались по дому, мешая друг другу, одновременно приготавливая завтрак из яиц и колбасы, одновременно умываясь возле примитивного умывальника на кухне, одновременно причесываясь и одеваясь.

Адам на них не смотрел, с ресниц его капали слезы.

– Не расстраивайтесь, так! – посоветовала Нева Никитишна, с недоумением разглядывая расстроенного соседа. – Этот человек, этот заблудившийся прохожий был нам чужим!

– Мы все друг другу чужие, до момента знакомства! – не согласилась с ней Зоя Михайловна, торопливо, прямо при Адаме, застегивая на груди белый лифчик.

– Постеснялась бы, – толкнула подругу, недовольная нудизмом Зои, Вера Павловна.

– Ой, – опомнилась Зоя Михайловна и, подхватив свою блузку, спряталась за дверь комнаты.

– Господи, да не до приличий ему! – наступила на ногу Вере, сердитая Нева.

Десять минут спустя, едва проглотив завтрак, они были уже в пути, ехали на автомобиле Зои Михайловны к одной из крупных городских больниц.

В приемном покое две равнодушные тетki, правда, в экипировке врачей, гоняли чай, прихлебывая из кружек. Выслушав Адама и трех подруг, наперегонки спрашивавших о вчерашнем потеряшке, нахмурились.

– А чего к нам пожаловали? За телами и по вопросу смерти в морг, пожалуйста!

И они направились в морг, правда, дальше дверей их не пустили.

Молодой работник, сидя на корточках, прислонившись спиной к железной двери, посмотрел на них удивленно:

– А мы тут причем, разыщите лечащего врача. Тем более, вы родственники?

Получив отрицательный ответ, безразлично закурил и отвернулся.

Адам с подругами потащились обратно в больницу. Кое-как прорвавшись сквозь охрану, они выяснили у дежурной медсестры, что лечащего врача нет на месте, скорее всего, отработав смену, он домой ушел.

Адам психанул. Много раз он такое проделывал раньше, правда, для подобных трюков требовалось не хилое количество энергии.

«Как-нибудь, наверстаю!» – злобно подумал он и надавил на медсестру.

Она покачнулась, но ухватившись за стойку, устояла.

– Впрочем, – произнесла слабым голосом, – вам стоит переговорить с заведующим больницы.

Отправив их к главе отделения, она рухнула в глубокий обморок, опрокинув на себя столик с приготовленными для пациентов склянками таблеток.

– Боже мой! – бросилась, было, к медичке, Зоя Михайловна.

– Ничего, ей помогут, – схватил ее за рукав Адам, и она тут же подчинилась, не в силах сбросить с себя внушительную силу давящей энергии Бесподобного.

Нева с Верой даже не взглянули в сторону медсестры, они поедом ели глазами Адама и следовали за ним, шаг в шаг.

«Так, Сатана ведет своих верноподданных», – наблюдая за состоянием впавших в зависимость от него подруг, Адам и с горечью вздохнул, – «только я не Сатана!»

Главный был на месте, в своем кабинете, тревожно перечитывал бумаги о вчерашнем происшествии, все-таки потерять пациента, даже без памяти – это вам, не хухры мухры.

Увидев перед собой строгие глаза Бесподобного, заведующий запаниковал:

– Вы знаете, у нас чокнутые чиновники во главе государства, – лепетал он, трясущимися руками разглаживая синюю униформу, – дают семь дней для лечения больного, в тюрьме преступники и то дольше сидят, пятнадцать суток за хулиганство!

Понес он абсолютную околесицу.

– Ну? – надвинулся на него Адам.

Врач выдал бумажку, где было написано о неизвестном, скончавшемся от внезапной остановки сердца.

Прыгая через две ступени, заведующий отделением повел Бесподобного с тремя верными ему женщинами в морг, где в широком подвальном помещении, будто на скотобойне, в углу были свалены голые трупы людей.

– Бесхозные, – обронил патологоанатом в ответ на удивленный взгляд Адама.

С горы трупов, за ногу стащил заблудившегося прохожего и с усилием шлепнул им о железный поддон.

– Ваш?

– Наш! – немедленно согласился Адам и впился глазами в анатома. – Я хочу знать, отчего он умер?

– Это можно! – согласился патологоанатом, беря в руки электрическую пилу.

Спустя несколько долгих, долгих минут Адам с женщинами поднялся по ступеням наверх, с усилием заглатывая чистый воздух.

– Что это было? – задрожала Зоя Михайловна, очумело оглядываясь вокруг.

– Я будто спала и видела страшный сон про морг с горой трупов, – неуверенно произнесла Вера Павловна, проводя рукой по взмокшему лбу.

– Он нас загипнотизировал, – с нотками ужаса в голосе, обвинила Бесподобного, Нева Никитишна.

Адам привалился к толстому стволу березы, что невозмутимо росла рядом с моргом.

– Наш запоздалый прохожий умер от обширного инфаркта, а я и не заметил.

– Что вы должны были заметить? – раздраженно спросила Нева, с подозрением глядя на него, вероятно, выискивая признаки гипнотизера.

– Печать смерти, – устало ответил Адам, – в конце концов, запах смерти, как я не ощутил, а?

Посмотрел он на своих спутниц, но они смогли лишь пожать плечами.

Зеленый «Москвич», бампер и стекла, которого были покрыты ошметками уличной грязи, резво катил по широким московским дорогам. Стекла машины были опущены, Адам Бесподобный, подпрыгивая на заднем сидении, высунул голову в окно, в эйфории от быстрой езды.

– Куда мы едем? – прокричал он.

Павлуша задумчиво покачал головой, но ничего не ответил. Кирилл Петрович, широко раскрыв рот, откинувшись, спал на переднем пассажирском сидении.

Леха нервничая и вздрагивая от мельтешащих то тут, то там патрульных автомобилей, тихо давал указания.

В какой-то миг Адам отключился, а очнулся уже возле собственного дома.

Пьяный Вовчик разминался возле «Москвича», Кирилл Петрович плескался в бочке с дождевой водой, стараясь протрезветь, а Павлуша спал, утомленный алкоголем и напряжением вождения.

– Нет электричества! – полным трагизма голосом сообщил Кирилл Петрович, пощелкав выключателем в избе. – Нет света. Когда сядет солнце, мы вынуждены будем, как последние дикари развести костер.

– В доме? – глупо спросил Адам, хозяйничая на кухне, где сквозь оконное стекло, худо-бедно, но еще лились потоки дневного света, выхватывая из полутьмы дровяную почерневшую плиту и закопченный чайник с кастрюлями.

– Мы разведем костер во дворе и напечем картошки! – мечтательно произнес Кирилл Петрович. – У вас картошка есть?

– У соседей есть, – уклончиво ответил Леха и добавил, наблюдая за работой Вовчика подступившего с инструментами к электросчетчику, – картошка – не проблема!

Вспыхнул свет, сопровождаемый бурными криками радости и аплодисментов.

– Приехали? – встрепенулся, разбуженный шумом, Павлуша и огляделся непонимающе. Вокруг дома высились сосны.

– Где это я? – вылезая из машины, вслух недоумевал Павлуша.

Под ногами волнами расстилалась буйно разросшаяся трава вся покрытая слоем бурых сосновых иголок. Огород, условно обозначенный ветхим плетнем, заросший грозными шапками борщевиков, спускался к реке.

– Ах, ах, – заахал Кирилл Петрович, к тому времени вышедший на крыльцо, – удочек не захватили!

– Зачем удочки, когда у нас ловушки в воде поставлены, – обиделся Леха и между борщевиками, стараясь никак не задеть коварных растений, направился вниз, к водной глади.

– Как думаешь, крокодилы тут водятся? – почему-то шепотом спросил у Кирилла Петровича, Павлуша.

– И анаконды, – подсказал Кирилл Петрович.

– Не знаю на счет экзотических животных, но гадюк за рекой, в болотине хватает, – пожал плечами Адам, слышавший разговор приятелей.

– Черт с ними, гадюками, а вот где бы нам сельпо отыскать? – вступил в разговор Вовчик. – Жрать охота!

– Выпить бы не мешало! – подхватил общую мысль Павлуша.

Адам вызвался проводить новых друзей.

Ступая неловко, по узкой тропинке, между сырой росистой травой, он пошел во главе процессии. Проходя по знакомым местам, мимо крепких каменных домов нуворишей и деревянных избушек бедняков, он не сразу отвечал на вопросы приятелей, без удивления ощущая некую туманность в голове, некое помутнение, будто от вечного кайфа. Свое состояние он самому себе объяснял похмельным синдромом.

Стремительно, мимо него проходила жизнь и вот вроде бы вчерашний школьник, окончил строительный техникум, устроился на стройку, покинул осточертевших родителей с их нравоучениями. Работал, крутился, похоронил бабушку, вступил в наследство домом, отбился от жадной родни, желающей отнять у него жилье в Подмоскowie. Начал бурно пить, подружился с человеком по имени Леха, бросил работу. Непонятно, откуда приперлось счастье по имени старость и обсыпало голову Адама Бесподобного сединой.

И все это сквозь пелену небытия, будто и не жил он вовсе, а если и жил, то не по-настоящему.

– Ну, где вы бродите? – встретил их Леха и помахал перед носами друзей сковородкой с жареными щучками.

6

Нева стояла под душем, разглядывая себя в огромное запотевшее зеркало, приклеенное прямо на стену. Ей нравилось слушать монотонную дробь воды по полу душевой кабины.

«Выдумщик этот Адам», – лениво думала она, протирая поверхность зеркала пальцами и рассматривая изъяны в своей точеной фигурке.

«Бесподобный», – усмехнулась она, вспоминая лохматую неухоженную шевелюру Адама.

– Нева, – постучался в дверь ванной, Бесподобный, – я состряпал для нас сказочный обед!

Нева поймала себя на том, что широко улыбается.

Ох уж эти кавалеры. Одни, завидев ее, застывают столбом; другие, заливаясь отчаянным румянцем, отводят глаза; третьи преследуют, настойчиво осыпая цветами.

Но Нева непреклонна, первый раз она обожглась в девятнадцать лет. Влюбленная в преподавателя Медицинского института, сама не своя последовала за ним, в нищенскую обстановку коммунальной квартиры, а впервые пригубив вина (воспитывалась родителями в строгости) опьянела настолько, что сама упала в объятия ушлого препода. После ночи любви (ее первой ночи и первого сексуального опыта), он (старше ее на двадцать пять лет) сделал вид, что ничего между ними не было и постепенно, она вновь скатилась до выканья.

В двадцать пять лет, едва оправившись от потрясения первого удара, получила второй удар в виде мужа (свадьбу она организовывала сама, венчалась с суженым в подвенечном свадебном наряде старшей сестры). Муж, выдававший себя за порядочного и ответственного человека, на деле оказался крайне безответственным алкашом и драчуном. Он тиранил ее и гонял с помощью кулаков по всему небольшому пространству общежитской комнатки.

Промучавшись с ним три года, Нева собрала вещички и ушла к родителям, но получила жесткий отказ.

Ее христиано продвинутые папа с мамой, молящиеся целыми днями в церкви, выгнали младшую дочь на улицу с пожеланиями возвратиться к мужу, в общагу, терпеть побои и унижения.

«Бог терпел и нам велел!» – истово перекрестила ее напоследок мать и захлопнула перед носом дочери двери.

Неву приютила подруга, Вера.

Они дружили с детства, со школьной скамьи и Зоя вошла в их тандем, создав трио в старших классах школы.

И хотя Вера с Зоей – две милovidные дамы и мысли не могли допустить о так называемой стервозности, самой распространенной версии у мужчин для оправдания разводов (особенно смешно это было бы допустить с наивной простушкой Верой Павловной), тем не менее бывшие мужья пели всем вокруг именно о стервозности, хамстве и идиотизме бывших жен.

«Что же», – вздохнула Нева, вылезая из душа, – «они, хотя бы не страдают психическими расстройствами».

И мысленно сравнила зеленоватую, вечно напряженную морду лица своего муженька с агрессивными, но «живыми» лицами двух мужей подруг.

Все дело в тупом чиновничьем беспределе, решила она, натягивая чистое нижнее белье. Полицейским не платят за психов, но если изменить букву закона, если заставить депутатов пересмотреть некоторые пункты, если, напротив, за каждого социопата упрятанного за решетку платить денежные премии, глядишь, мир бы очистился от мерзавцев, хотя...

Нева натянула на влажное тело футболку и шорты.

– Это не актуально для России, – сказала она вслух, вспоминая сталинские репрессии в то не далекое время, когда частенько в психиатрические клиники попадали вполне нормальные люди, вина которых заключалась лишь в противостоянии существующей власти.

Впрочем, по радио и телевидению, то и дело проскальзывает информация о продолжении сталинских традиций, где антипутинцы устраивают акции протеста под зарешеченными окнами психушки, куда без суда и следствия заключили очередного политического оппозиционера.

– Подлость какая, – фыркнула Нева.

– Что, что? – отозвался Адам. – Вы что-то сказали Нева Никитишна?

– Ничего! – прокричала она из-за двери.

В доме Адама, никого, кроме них двоих не было.

«И это главное», – всем своим видом сказал Адам, отодвигая для гостьи стул.

Нева, подхватив двумя пальцами воображаемый длинный подол, уселась, словно королева.

Адам включился в игру, перекинув полотенце через руку, услужливо склонился в полупоклоне.

– Мадам! – произнес проникновенно. – Сегодня на обед в нашем ресторане мы готовы порадовать вас отличными блюдами: летним салатом из свежих овощей, восхитительным вишневым пирогом с взбитыми сливками. Осмелюсь предложить особенное блюдо, окрошку!

Вопросительно глянул он на гостью.

Нева немедленно состроила плаксивую гримасу:

– Хочу окрошку!

– Будет сделано!

Закончив трапезничать, он спросил у нее, все ли ей понравилось. Нева благосклонно кивнула, и царственным жестом подав ему руку, проследовала к диванчику.

– Ну вот, поели, теперь можно и поспать! – произнесла она, зевая.

Адам услужливо достал из шкафа для нее подушку и плед, сам на цыпочках вернулся в кухню, где принялся тихонько наводить порядок.

Из раскрытого окна соседнего домика плыл запах жареных блинов, и доносилась не громкая мелодия джазового оркестра.

Бесподобный изменяясь в лице, прислушался:

– Знакомая музыка, – процедил он сквозь зубы и тенью, пройдя мимо спящей на диване, Невы, вошел в небольшую комнатку.

Вещи и предметы, в беспорядке разбросанные по комнате были покрыты, здесь, толстым слоем пыли. Сквозь плотно зашторенные окна не пробивались солнечные лучи. Покопавшись в комод, из которого свешивался красный бюстгальтер на одной бретельке, Адам достал из ящика альбом с фотографиями, раскрыл и взгляделся в изображение.

На него смотрела молоденькая девушка в строгом удлиненном платье послушницы. И хотя послушница улыбалась, почти радостно приветствуя фотографа, но глаза ее были мертвы, в глазах сквозила ледяная пустыня. Глядя на снимок, Адам надолго задумался.

У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу, вот и у Адама Бесподобного они тоже имелись.

Его родители давным-давно покинули этот свет, не вовремя оказавшись на дороге у пьяного лихача не видевшего не то, что предупреждающий об остановке красный сигнал светофора, но толпу пешеходов пересекающих под разрешительный, зеленый автомобильную дорогу.

После похорон остался Адам, двадцатилетний студент инженерно-строительного факультета технического института и Ева, студентка-первокурсница художественного училища.

Ева, тень прошлого легла на его лицо. Тоненькая, восторженная, читающая наизусть стихи Есенина, мечтающая о любви, девочка семнадцати лет. И с чего она вообразила, что виновата в трагической гибели родителей? Но было не отговорить.

Ева несколько не сумняшеся, покинула бранный мир, ушла в монастырь, принесла добровольную жертву, это было тем более дико и нелепо в колдовской семье Бесподобных, где линию ведьм должна была продолжить Ева, но продолжил Адам.

Несколько раз он переступал порог монастырского храма, где прислушиваясь к хору, сразу же различал чистый нежный голосочек сестры.

«На самом деле, разлады в колдовских семьях – не редкость», – думал Адам, глядя в не улыбочивые глаза Евы на фотографии, – «и это завораживает, когда одни родственники упорно лезут к богу, засыпая с молитвой на устах и просыпаясь с молитвой, а другие столь же упорно лезут к Дьяволу, засыпая с мыслью о малых ангельских войсках Сатаны и просыпаясь с мыслью, как попасть в эти самые войска».

Адам пренебрежительно фыркнул, вспомнилась одна поездка к сестре, когда в междугородний автобус, следующий до конечного маршрута небольшого городка, где и был монастырь сестры, надо было добираться два часа, но влезли три богомольные тетки с оравой хныкающих, маленьких детей.

Автобус моментально наполнился какофонией капризных визгов. Тетки, заплатившие водиле, как говорится, в карман, хмурились и тихо выговаривали усталым детям потерпеть поездку. Самому младшему было два года, старшему, на вид, лет семь. Детей тетки усадили на грязные подставки, возле ног пассажиров. Естественно, некоторые пассажиры, не выдержали молчаливой агрессии теток и уступили свои законные, сидячие места. Тетки торжествовали победу, когда согнали по крайней мере девять человек и усадили свой цыганский выводок из двенадцати несовершеннолетних на освободившиеся мягкие кресла.

Адам был в числе уступивших, его передернуло от отвращения, когда к ноге привалилось горячее тельце хрипло дышащего мальчика. У ребенка была рвота, слюни, слезы, все вперемжку, и теткин настырный шепот: «Молись и все пройдет!»

После, Адам видел теток с их выводком в монастырской трапезной. Соболезнуя истощенному, измученному виду детей монахини кормили «странников» супом и пирожками.

Тема наглых теток с орущими детьми вообще преследовала Адама на протяжении всей его жизни. И вечно, несмотря на его усталый, сонный вид, когда после смены (работы на стройке), он едва мог пошевелиться, приземлялся на свободное сидение в общественном транспорте, лезли тетки с капризными карапузами, норовя, именно его согнать с места.

Несколько раз Адам вступал в перепалку, но всегда проигрывал, как проигрывал любой мужчина-водитель перед наглой девахой неторопливо пересекающей пешеходный переход. Знает настырная баба, что штраф за то, что не пропустил пешехода больше тысячи рублей, вот и идет не торопится, также и мамашка с ребенком уверена, что каждый будет рад в общественном транспорте уступить ей свое место.

Иногда Адам сердито размышлял о необходимости покупки автомобиля, потому как теток с детьми развелось видимо-невидимо.

– О чем задумался? – спросила Нева, потягиваясь.

– Нева, а у вас дети есть? – повернулся к ней Адам.

– Пора бы нам перейти на «ты»! – недовольно пробурчала Нева и с вызовом посмотрела в глаза соседу. – Еще чего, дети! Это Верка с Зойкой спят и видят себя мамашами, а мне такого счастья не надо! Да и куда рожать, не девочка уже!

Адам обрадовался, благодарно улыбнулся и неожиданно для себя рассказал причину своего неприятия детей.

– Как я тебя понимаю! – с энтузиазмом вскричала Нева, на время позабыв о своей профессии акушерки. – Сколько раз видела, как молодые дуры, новоиспеченные мамашки выпихивают ребенка вперед себя со ступенек маршрутки, едва руку не выкручивают! Сразу видно, на фиг им дети сдались, им обещанный президентом материнский капитал важнее!

– Кошмар! – согласился с ней Адам.

Солнце на востоке показалось из-за верхушек плотно сомкнутых угрюмых елей, яркий желто-розовый шар выбросил одну огненную стрелу, и небо сразу посветлело, над елями взмыли птицы, будто приветствуя долгожданное тепло. Последние клочки тумана уползли в низины, прячась в высокой траве, хоронясь в глубоких бочагах и заросших широких канавах.

Несмотря на ранний час, соседи Адама Бесподобного давным-давно были на ногах. Бабка Пелагея вооружившись бельевой корзиной, умотала в лес, за грибами. Проводив старуху взглядом, Бесподобный потоптавшись на крыльце, решил и направился к ее дому.

Дочь Пелагеи, старая дева, рябая, некрасивая Катька принесла с кухни супницу с супом и торжественно водрузила ее посередине стола.

– Зачем это? – промямлил он сконфуженный самим таинством то ли завтрака, то ли ужина, не поймешь. – Можно было бы просто в тарелки супу налить.

Она посмотрела на него со значением, но ничего не ответила.

После, принесла миску с тушеными овощами и большим куском говядины, обильно политым подливой.

Он мучился, но ел, мысленно добавляя на стол рюмку водки, которой не могло быть в ее доме. Бабка Пелагея хотя и прослыла самогонщицей, сама не пила, а продавала пойло записным деревенским алкашам.

Закончился то ли завтрак, то ли ужин и вовсе непривычно для Адама. Рябая Катька испекла для него в печи ягодный пирог и, подоив корову, поставила на стол кружку парного молока.

– И кур у вас много? – задался Адам подсчитывать чужое добро.

– Двести штук, – застенчиво ответила Катька, но вздрогнув, отскочила подальше от соседа, услышав шаги в сенях.

Бабка Пелагея не держала зла на Бесподобного. Удивительно странная для деревенских жителей женщина, она поражала Адама приятным округлым лицом с ямочками на щеках, светлыми бровями, седыми ресницами и серыми глазами. Волосы Пелагеи на манер модниц были будто покрашены, тут светлая прядь, там темно-русая. Легкомысленная и веселая, она беспечно порхала по жизни, не отвечая на жаркие мужские признания в любви, игнорируя всякого влюбленного в нее человека, на вопрос односельчан, почему? Всегда смеясь, утверждала с уверенностью фанатиков бога: «В этом мире любви нет, а ее подобие мне без надобности!»

Рябая Катька приходилась бабке Пелагее племянницей, родная сестра – гулена подбрехала ребенка еще маленькой, да и укутила, больше Пелагея ее не видывала.

– Жених? – удивилась Пелагея на сбивчивое объяснение Катьки и окинула Адама Бесподобного с головы до ног пристальным, враждебным взглядом. – Он тебе в отцы годится!

– Мам! – умоляюще сложила руки, рябая Катька.

Бабка Пелагея, не желая поддерживать разговор, взяла в руки кочергу и демонстративно начала рыться в тлеющих углях печи.

Адам встал:

– Двадцать тысяч рублей и путевка в Геленджик!

Пелагея обернулась, смерила его настороженным взглядом:

– Поросенок, сто куриц и дойную корову даю Кате в приданое!

– Мама! – негодуя воскликнула рябая Катька и бросилась к сундуку.

Старуха проследила за ней длинным взглядом:

– Мы не голытьба! Еще даю пуховую перину, две подушки, шерстяное одеяло, пятьдесят хлопчатобумажных простыней и пододеяльников с наволочками в придачу!

Адам поглядел на Катьку, на ней было платье из хорошей ткани, но довольно безвкусного фасона, в котором она выглядела нелепо и вульгарно.

Бабка Пелагея кинулась к шифоньеру, без слов распахнула его. Он подошел, оценил.

На вешалках висели в ряд платья, кофты, юбки старой девы, пардон, невесты Бесподобного.

– Беру! – ударил по рукам с бабкой.

Пелагея расплылась в довольной улыбке. Рябая Катька застенчиво прильнула к плечу седого жениха, он похлопал ее по плечу, ну будет, будет рыдать!..

7

Еще несколько дней назад Вера Павловна и подумать не могла, что судьба уготовит ей встречу с Адамом Бесподобным.

Что он за человек, размышляла она, лежа в кровати.

При всей своей наивности и внешнем простодушии, Вера обладала непримиримой, прямолинейной душой, часто вступала в конфликт с развратными, похотливыми самцами, пытающимися ее охмурить, чтобы используя в качестве бабочки-однодневки, бросить.

Пару раз, правда, ее, все же, обманывали. Но, пылая чувством справедливости, она, из принципа намалевала на капоте машины краской из баллончика одному похабные слова, которые тот так любил вворачивать в процессе разговора, к другому влезла в форточку (квартира была на первом этаже) и взяв ножницы, смело порезала в лохмотья respectable костюмы, в которых он таскался по многочисленным официальным мероприятиям, важничая и надувая щеки.

Вспомнив, как она вела себя с ним, когда, будто последняя дурочка слишком часто смеялась, нарочно ущипнула себя за руку. Наказывать саму себя у нее вошло в привычку из-за сурового воспитания родителей. Жестокий и черствый отец, живущий по принципу, если завтра война, изводил детей казарменной дисциплиной. Вера до самой смерти была обречена заправлять кровать так, чтобы не дай бог, не оставить на поверхности покрывала складок. Спала только на спине, в позе руки по швам.

Ее старшие братья, не сумев сбросить с себя ярмо армейской жизни и выучившись, под напором отца, в военном училище, пошли и дальше вышагивать старшими офицерами, муштруя не столько новобранцев, сколько собственных детей.

Вера смогла увернуться от продолжения казарменного положения в своей судьбе, поступив в театральный институт.

Узнав о ее выборе, отец, поправив форму, смахнув несуществующие пылинки с погон, подвел итог:

– Что от тебя было ожидать, девчонка? – спросил он и четким строевым шагом покинул ее.

Вера вздохнула, с трудом отгоняя навязчивое сравнение отца с надменными фигурами нацистов.

Впрочем, это сравнение посетило ее и не раз, в особенности, когда она, невзирая на зловещие предрекания отца, что ничего путного из нее не выйдет, получила красный диплом и поселилась, несмотря на воровское едроссосское правительство, при котором нормальные работающие люди вынуждены были скитаться по углам, снимать жилье у жадных квартирных хозяек, в своей собственной квартире.

Вера была рада радешенька и печному отоплению, и отсутствию элементарных удобств, лишь бы быть подальше от деспотичного отца и глупой, во всем потакающей ему матери-домохозяйке.

Впрочем, отец так ни разу и не переступил порога ее квартиры.

Обозвав дочь неблагодарной, он навсегда закрыл для нее двери родительского дома и остальным запретил общаться с опальной дочерью и сестрой.

Часто, Вера задумывалась, а в чем, собственно, ее вина перед родителями?! И не находя ответа, впадала в ступор, не в силах отыскать причину столь странного отношения к себе родных.

Нева, врач по профессии, хмыкала, утверждая, что ее отец – просто-напросто шизофреник, к тому же самодур, а прочие родные – глупые люди, которыми он вертит, как ему заблагорассудится.

Зоя, преподавательница русского языка пожимала плечами заявляя, что ей приходилось подолгу педагогической службы сталкиваться с самодуром, оказавшимся директором школы. От воплей этого человека дрожали стены, дребезжали стекла окон, но учителя, вольнолюбивые, талантливые педагоги не пожелали терпеть хама. Весь педагогический коллектив, разом, написал заявления об уходе и глава департамента образования, вынужденный юлить между двух огней, принял сторону учителей, а самодура попросил выйти вон, из школы, что тот и сделал без особого скандала.

Главное, что уяснила тогда себе Зоя – это то, что директор был абсолютно бездарен, но уверял окружающих с точностью до наоборот, по его мнению, бездарен, как раз был учительский состав...

– Где Зойка? – с силой распахнула двери дачного домика, раскрасневшаяся Нева.

– Как всегда, гуляет, – удивилась Вера и отодвинула свои занятия по кулинарному искусству в сторону.

– О, печенки! – жадно склонилась к произведениям подруги, Нева.

– Не трожь, – хлопнула ее по рукам Вера, – вредно сырое тесто есть!

Нисколько не обидевшись, Нева закружилась по маленьким комнатам.

Вера с улыбкой наблюдала за ней.

– Как тебе Адам? – спросила она Неву.

– Хорош! Но я не влюбилась!

Со свойственной давним подругам догадливостью, ответила Нева и рухнула на диван.

Блаженная улыбка, раскинутые руки, Вера с недоверием разглядывала ее, все более убеждаясь в обратном.

– Какой-то он неухоженный, лохматый, – заметила Вера, пытаясь сбить повышенный градус интереса, чувствительно нарастающий в тесном пространстве дачного домика.

– Это маскировка, – весело ответила Нева, – он под лохмами рожки скрывает.

– Что же он, черт? – удивилась Вера Павловна.

– Бери выше, демон! – хохотнула Нева и бросилась навстречу ничего не подозревающей Зое.

– Зойка, она у нас с ума сошла, в демона влюбилась! – наблюдая, как кружатся подруги, сухо заметила Вера, отступая за кухонный стол.

– Девчонки, айда на речку купаться! – верещала Нева, отпуская Зою на диван.

– Вода холоднющая, – возразила ей Зоя, с улыбкой наблюдая за суетой, переоблачающейся в сплошной купальник, подруги.

– Зачем тебе сплошной, при твоей-то фигуре? – дивилась Вера.

– Чтобы скрыть печать дьявола! – завыла на последнем слове Нева и, нацепив легкий ситцевый халатик, не дожидаясь подруг, помчалась, теряя шлепанцы, к речке.

– Может, холодная вода ее отрезвит? – спросила Вера у Зои.

Вместо ответа Зоя, захватив полотенце, устремилась за Невой.

– Бесенята! – покачала головой Вера Павловна и как добропорядочная хозяйка взялась за противень, чтобы поставить печенье жариться в протопившуюся к тому времени голландскую печку.

– Бог в помощь, – произнес с порога Адам, – или не бог?

Вопросительно посмотрел он на Веру Павловну.

– Все вопросы к Неве, это она вас в дьявола записала, – отрезала Вера, чувствуя нарастающую злобу.

– Но дьявол у нас один, – сощурился Адам.

– У нас?

– У нашего человечества! – подтвердил Бесподобный, с коварной улыбкой отступая от порога. – Не буду вам мешать!

– Идите, охладитесь! – почти грубо прокричала ему вслед Вера Павловна и неожиданно для себя разрыдалась.

«Что это со мной?» – удивилась она, вытирая ладонями мокрые от слез глаза.

Впрочем, она недолго промучилась недоумением по поводу собственного срыва: услужливое подсознание вытащило для нее свежее воспоминание о желтых, будто выгоревших на солнце волосах Адама; о зеленых глазах, с жадным вниманием изучающих каждую из подруг; о музыкальных, длинных, тонких пальцах его.

– Черта лысого, ты меня заставишь в себя влюбиться! – взорвалась Вера и с ожесточением занялась домашними делами.

Адам Бесподобный открыл глаза и с удивлением уставился на темный массивный письменный стол, перед которым он спал, сидя в мягком кожаном кресле.

С трудом, восстановив события вчерашнего дня, Адам вспомнил, как с новыми знакомцами оказался в редакции крупной московской газеты.

Кабинет Кирилла Петровича внушал уважение. Вдоль стен стояли шкафы со стеклянными дверцами, заполненные книгами. Помимо книг в кабинете оказалось много картин – маленькие и большие, но одинаково темные, с едва различимым сюжетом лесных пейзажей.

На широком диване уместились двое: Кирилл Петрович и Павлуша. Леха в обнимку с Вовчиком спали на шерстяном коврикe, устилавшем часть чистого, блестящего пола.

Адам, с трудом разогнувшись, вышел из кабинета. В конце гулкого, абсолютно пустого, по случаю раннего утра, коридора, он нашел искомое помещение.

Ополоснул лицо и шею холодной водой из-под крана, стараясь, во что бы то ни стало отогнать навязчивое видение об очкастой актрисе Вере Павловне и вернуть себе бодрость духа...

8

Своего бывшего мужа Вера вспоминать не любила, кратко ограничиваясь словами: «Лентяй, дебошир и пьяница!» В бытность замужества она безвольно подчинялась ему, привыкнув к деспотизму отца и не делая никакого различия между двумя мужчинами. Но брак закончился, едва начавшись, когда муженек не довольный остывшим супом, поколотил ее.

Вера, безо всяких вопросов, собрала вещи и ушла из мужниной квартиры, к себе, обратно в неблагоустроенное жилье, где уже жила разведенкой Нева.

На судебный бракоразводный процесс, бывший даже не явился и Вера осталась жить с очередным вопросом, как же так?

Она часто спрашивала у подруг, почему христиане поступают не по-христиански, почему с виду порядочные люди на поверку выходят непорядочными и как же так можно, сломав чужую жизнь, будто спичку, даже не извинившись, смело жить дальше?!

Зоя, тоже пострадавшая от кулаков бывшего муженька обычно хранила молчание и уводила взгляд серо-голубых, как бы наполненных слезами глаз куда-то вверх.

Легко ли перенести просто расставание с любимым человеком, но тут три подруги подверглись со стороны любимых людей насилию, неоправданной жестокости.

Не женись, а коли жесток, сумасброден, не ищи себе служанку, прачку, кухарку, подстилку в постели в виде жены. Зачем подавать надежду на счастливую семейную жизнь хрупкой девушке, зачем, в конце концов, тратиться на свадебные расходы, к чему все это, ежели не в силах удержать себя в рамках приличного поведения, бьешь, кричишь, требуешь. От кого требуешь? От маленькой, слабенькой женщины не вовремя оказавшейся у тебя на дороге?!

– Халдеи! – прошипела сквозь зубы Вера, с ненавистью стругая листья салата на разделочной доске.

– Просто ужасно, как ты ненавидишь мужчин! – рассмеялась Нева, переодеваясь в своей комнате.

– Да, – поддакнула Зоя и будто невзначай кинула взгляд на сетчатую дверь, за которой скрылся тактичный сосед.

– Не все мужчины сволочи, – настаивала Нева, залезая на свое место, за круглый кухонный столик.

– Неужели все еще надеешься встретить порядочного человека? – изумилась Зоя.

– Угу! – кивнула Нева, с упоением поглощая крошку.

– Надо позвать Адама! – спохватилась Зоя. – Не то он пропустит такую вкуснятину!

– Верка, просто класс! – похвалила поварские способности подруги, Нева.

– Спасибо, – ответила Вера серьезно, – конечно, давайте позовем Адама!

Повернулась она к Зое.

– Девочки, вы к походу готовы? – заглянул он к ним.

– К походу? – моргнула Вера, удивленно переводя взгляд с одной подруги на другую.

– Ой, Верка, забыли тебя предупредить, – преувеличенно оживленно затараторила Зоя.

Вера Павловна была озадачена, но без колебаний приняла предложение соседа, в конце концов, они сняли дачу не для нытья. Слезы можно будет лить зимой, в городской квартире.

– Ангелов в помощники!

В дверях фанерного домика, мимо которого Адам с подругами тащил надувную резиновую лодку и кучу тяжелого снаряжения, стояла женщина в широкополой соломенной шляпе,

нелепом парике набок, едва прикрывавшем лысый череп и матерчатых перчатках, испачканных землей. Возле ног ее был ящик с рассадами томатов.

– Не поздновато? – кивнул Адам на рассаду. – Все-таки июнь-месяц!

– Не поздновато, – эхом отозвалась женщина, – тем более, не поздновато мне, вернувшейся с того света.

– Что случилось? – притормозил Адам и добавил. – Лидия Михайловна?

Женщина печально улыбнулась. В фиолетовых глазах поселилась безнадега.

– Всего лишь рак, злокачественная опухоль!

Адам вскинул руки, роняя лодку, тяжелые рюкзаки снарядами свалились с его плеч на землю.

– Не может быть, – жалобно проныл он, отчаянно вглядываясь в бледное лицо соседки, – я ничего не чувствую!

– Вы о печати смерти? – догадалась Зоя Михайловна, заглядывая в метущиеся глаза Бесподобного.

Подруги обменялись долгими взглядами, свойственными только тем друзьям, что давным-давно полностью доверяют друг другу.

– Полагаю, вы не ошиблись, Адам, – скорбно проговорила Лидия Михайловна, – у меня был рак матки. Матку удалили, меня подвергли химиотерапии, таким образом, смертью пахнуть не должно!

– И печати смерти не было поставлено, – с облегчением выдохнул Адам, – какое счастье!

– А чего вы так боитесь не заметить этой самой печати? – подхватывая один рюкзак, спросила у него, Зоя.

– Всякий колдун опасается потерять свой дар, – пожал плечами Адам.

– Почему?

– Потерять дар – значит, потерять расположение Сатаны, – терпеливо объяснил Адам, между тем, продвигаясь с грузом походных вещей, к реке.

На голове, придерживая одной рукой, он нес двухместную надувную лодку.

– Но ведь Сатана страшен? – встряла в разговор Вера Павловна. – По моему мнению, радоваться надо, приветствуя избавление от него!

– Не все то, что рассказывают христосики – правда, – пробормотал Адам, ловко сбрасывая лодку на воду, – и вообще, кто умеет не доверять, способен думать и рассуждать, итак догадается о несоответствии показаний церковников выступающих против Сатаны.

– А что же он сам, как он относится к наветам и наговорам людей? – допытывалась Зоя Михайловна, на мгновение, превратившись в дотошную классную даму. – Ведь в произведениях классиков...

Не договорила она, увидев вдруг свирепый взгляд Бесподобного.

– Не стоит говорить о нем, – пристально глядя на нее, посоветовал Адам.

– А то что? – с содроганием задала вопрос, Зоя и упрямо набычилась.

– Заинтересуется, – уклончиво ответил Адам, влезая в лодку.

Усевшись на рюкзак, он вставил деревянные весла в резиновые уключины.

– Ой, девочки! – взвизгнула Вера и с восторгом полезла в лодку.

Рассевшись на плотно набитых рюкзаках, компания дружно отвалила от берега и устремилась в своем ненадежном суденышке в речные дали.

При этом лоб Адама Бесподобного, прикрытый неряшливыми прядями длинных волос покрылся морщинами, свидетельствующими об усиленной мыслительной деятельности.

Машинально управляя при помощи весел лодкой, он не сводил изучающего взгляда с задумчивого лица Зои Разумовской, сидевшей, как раз напротив него.

9

Дверь в столовую постоянно хлопала, и оттуда доносился восхитительный запах еды: горохового супа и жареной рыбы с картофельным пюре. Принюхавшись, Адам Бесподобный безошибочно определил еще и запах пирогов с яйцом и зеленым луком.

А получив от нянечки поднос, удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что не ошибся. Единственное блюдо, которое он не смог учуять был компот из сухофруктов.

В палату сунулась рябая Катька, и Адам поморщился, какая она ему жена? Но уже не хватило сил послать подальше, расстаться с доверчивым существом, вверившим ему свою жизнь.

Свадьбу затихарили, просто расписались в сельской администрации и Катька, продемонстрировав деревенским кумушкам паспорт с печатью замужества, горделиво вошла в его дом.

Она оказалась хорошей хозяйкой, в доме запахло свежим бельем, захлопали на ветру выстиранные половики и занавески.

Во всем потакала мужу, слушалась, не перечила, была весела и ласкова. Чего еще желать? Но он всегда помнил о разнице в возрасте, почти в четверть века и чувствовал себя едва ли не преступником, извращенцем, хотя в деревне никто не осуждал его выбор. Мужики моментально поняли и одобрили, рябая на все будет согласна. А женщины уважительно глядели, молодец, что убогую замуж взял.

Заболел он неожиданно для себя, заломило левый бок, отдаваясь в руку. На душе сделалось тревожно, муторно и он тронулся под бдительным присмотром супруги на прием к фельдшернице.

А врачаха, наскоро осмотрев, вызвала «скорую помощь», оказалось предынфарктное, едва успели предотвратить.

– Адам, – робко оглядев больничную еду, вошла Катя.

У него слюнки потекли в предвкушении домашнего обеда: мясного бульона, жареной курицы, пирога с малиной и клюквенного морса.

– Помогай, – подвинул он поднос жене.

Катя широко улыбнулась, демонстрируя белые лошадиные зубы.

– Мне не осилить, – настаивал он.

И она взялась за ложку.

Ела Катя много, собственно так и должна кушать хорошая работающая женщина.

И Адам засмотрелся на нее. Это не то, что во снах, где некая интеллигентного вида актриса на пару с двумя хлипкими подругами, сидят в лодке. А вокруг блестит и искрится речная гладь. Откуда приходили подобные сны, он объяснить себе не пытался, мало ли что снится...

Ужинали они за деревянным столом, вдали от дачного поселка.

– Какие облака! – восхитилась нагромождением белых, кучевых облаков на небе, Зоя Михайловна. – Словно горы!

– А я дворцы вижу! – указала Вера Павловна.

– А я принца на белом коне, – сыронизировала Нева Никитишна.

Подруги, не сговариваясь, взглянули на Адама.

Он усмехнулся:

– Для принца я староват, да и коня у меня нету.

И посмотрел на Веру Павловну:

– Мой дом не похож на дворец, скорее на сарай смахивает.

Перевел взгляд на Зою Михайловну:

– Гор в округе нет, разве холмы и речка, – указал он на неторопливые воды мелкой лесной реки.

Нева сняла вскипевший чайник с подставки, наклонилась подбросить хворосту в костер.

– Отдых у нас, что надо, – сказала она, – спасибо Адаму!

– Адам, вы бесподобны! – подхватила Зоя.

Вера Павловна промычала нечто неопределенное, вероятно не соглашаясь с мнением подруг.

На закате солнца, когда величественное небо окрасилось в багряные краски, Адам установил палатки. Две двухместные.

– Кому-то из вас придется разделить ложе со мной, – произнес он шутливым тоном и покосился на Неву.

Вера с Зоей мгновенно уловили момент, деликатно отступили.

Нева фыркнула:

– Хорошо, я готова принести себя в жертву мужскому храпу!

– Женщины тоже храпят, – возразил ей Адам.

– Я не храплю! – категоричным тоном заявила Нева.

Ночью ей приснился сон.

Мальчик-паж, с головы до ног одетый в черный бархат. С ласковой улыбкой проводил ее внутрь буйных садов, где с каждой ветви ее приветствовали радужные птицы, а в воздухе улавливался аромат свежих роз. Посреди великолепия этого райского сада ее ждал Адам.

Нева приблизилась к нему, буквально онемев от восторга, в аккуратных коротко-подстриженных волосах, будто солнце запуталось, так они сияли. Поверх ослепительно белого костюма была наброшена мантия из золотой парчи. Но самое главное, на голове у него красовалась украшенная драгоценными камнями, самая настоящая корона.

– Король! – пробормотала Нева во сне, плотнее кутаясь в пуховый спальник.

Адам проснулся, встревожено поглядел на спящую.

– Хотелось бы, – доверительно проговорил он, приподымаясь на локте.

Но улегшись в свой спальник, обратно заснуть не смог.

– Тяжко убедить такую женщину, – пожаловался он брезентовому пологу палатки, – как соблазнить красавицу заведомому чудовищу?

– Трус! – прошептала во сне Нева.

– Конечно, конечно, – горько усмехнулся Адам, – каждый может обзывать, не зная, насколько трудно приходится флиртовать, так сказать, на склоне лет...

С вызовом закончил, но не получив ответа, повернулся на бок, в сумерках летней июньской ночи рассматривая спящую Неву.

Постепенно, сонная одурь взяла свое, глаза его закрылись, и к длинным путаным ресницам на цыпочках подкралось сонное видение. С легкой улыбкой наблюдал Адам за головкружительными фигурами дворцового бала, где он и Нева кружились, отстукивая каблучками туфель по деревянному паркету огромной залы. С раскрытых настежь балконных дверей в толпу многочисленных гостей задувал ветер, вздымая легкие занавеси и шаловливо задирая кверху длинные подола дам.

– Ах, ваше величество, – утомленно вздыхала Нева, прислоняясь головой к его плечу, – я устала!

Препроводив ее на скамейку, где устроил посреди мягких подушек, он вынужденно раскланялся, с неохотой покидая первую красавицу королевства. Но этикет требовал определенных приличий...

В толпе придворных мелькнули пышно разодетые Вера и Зоя. Обе присели перед ним в полупоклоне.

– Адам, проснись! – от бесцеремонных толчков в плечо, он очнулся.

В палатку взобрались перепуганные подруги.

– Там кто-то бродит, – прошептала Вера.

– Рогатый, – опасливо оглянулась на вход палатки Зоя.

– Черт? – невольно сорвалось с языка Невы.

Адам, не слушая женских предположений, вылез наружу.

В голове у него пронеслись огненные строки, написанные безумным поэтом прошлого: «Этот мир относительно безопасен, здесь, не водятся огнедышащие драконы, разве что волки и медведи».

Возле потухшего костра высилась темная громада. При мерцающем свете звезд и начинающихся сполохах зари отчетливо были видны ветвистые рога.

– Лось! – вслух высказал догадку Адам.

Зверь метнулся и, перескакивая через прибрежные кусты ломанулся в воду. Через секунду-другую преодолев крохотную речку, оказался на том берегу, встряхнулся, совершенно по-собачьи и неторопливо скрылся в высокой траве.

Только тогда Адам осознал, что подруги визжат. Все три.

– Будто сирены! – недовольно прокомментировал он, затыкая уши пальцами.

– Мы так испугались! – прижала Зоя обе руки к вздымающейся груди.

– Так испугались, что вылезли из палатки? – передразнил ее Адам.

Он разжег костер.

– Ступайте спать, я посторожу! – махнул он на свой спальный мешок в палатке.

– Ой, Адам, какая же вы душка! – прошептала Зоя со слезами на глазах и, вцепившись в руку молчаливо наблюдавшей Веры, потащила ее в теплый спальник соседа.

– Знаю, что заснете теперь только вместе, – проворчал Адам и, подбросив хворосту, задремал, удобнее устраиваясь на складном стуле.

Павлуша с небрежным презрением почистил запачканную одежду.

– Канавы были мне постелью, – предположил он, возвращаясь в кабинет, где опохмелившиеся гости отпивались крепким чаем с баранками.

– Обожаю сушки! – заявил Вовчик, вгрызаясь в поджаренную баранку. – Особенно, когда сыпанешь килограмма два на противень и в духовку!

– Микроволновка тоже неплоха! – кивнул в угол кабинета, Кирилл Петрович, где у него располагался целый арсенал бытовой техники с тостерами, кофемолками, электрочайниками и почему-то утюгом.

Кирилл Петрович взглянул на круглые электронные часы, мерно отстукивающие время на стене кабинета.

– Однако близится рабочий час, – и он взглянул на недавних собутыльников.

– Пора и честь знать, – догадался Леха.

Адам торопливо оглядел лица новых знакомых, запоминая и официальную задумчивость Петровича, и насмешливый полупоклон близорукого, потерявшего где-то перемотанные лейкопластырем очки, Павлуши.

– Больше, наверное, не встретимся, – неуверенно высказал он.

– Почему же, – понюхал баранку Петрович, – до следующего запоя и мы с Павлушей приедем к вам!

Павлуша легко поклонился.

– Так, ждем! – уже от двери возбужденно воскликнул Адам Бесподобный.

– Ты гляди? – с завистью осматривая солидное здание из мрамора и стекла, произнес Леха. – Я бы в такой редакции поработал!

– И я! – подхватил Вовчик. – Электриком!

– А я слесарем, – вспомнил о своих навыках, Леха.

– А мне хоть дворником, – прошептал Адам, не отводя глаз от появившихся на великолепных ступенях сотрудников и сотрудниц редакции.

Не обращая на тройку забулдыг никакого внимания, одетые с иголочки, мужчины и женщины, с улыбкой входили в стеклянные двери просторного вестибюля редакции московской газеты.

С трудом отведя взгляд, Адам дернул за рукава приятелей:

– Нам «св-вагон» заказан, наше дело – товарняк.

– Да и то, полный дерьма, – скривился Леха, будто от зубной боли.

– Ну почему, им – все, а нам – ничего? – не соглашался Вовчик, пока друзья тащили его, упирающегося прочь.

10

После купания, Адам выглядел стопроцентным красавчиком, его длинные волосы, зачесанные назад, еще были влажными. Одетый в свободные брюки синего цвета и такую же футболку, обтягивающую широкую грудь, он производил на подруг ошеломляющее впечатление.

Зоя тронула пальцем его мускулистые руки:

– Боже мой, вы похожи на бога!

Адам улыбнулся, демонстрируя белые ровные зубы.

– Надеюсь, вы имеете в виду античного бога, не то на худого и грязного Иисуса быть похожим? Ну, уж, увольте!

Зеленые глаза Невы зажглись веселыми искорками.

– Действительно, богов на Земле было, как грязи.

– И откуда они взялись, – взгрустнула Зоя Михайловна, – они, понимаешь, правили миром, а ты их, теперь, вместе с детьми изучай!

– Учиться всегда интересно, – заметил Адам, вспоминая при этом Сатану, известного своей любовью к учению.

– Если честно, не всем, – нахмурилась Зоя, приступая к не хитрому завтраку, макаронам с тушенкой, – частенько, отучившись в школе, вчерашние выпускники забрасывают не только учебники, они и книг не читают!

Сделала она многозначительную паузу.

– Все зависит от развития души, – безмятежно сказал Адам, – если человек в процессе своего круговорота, когда умер-родился, родился-умер, достаточно много стремился к саморазвитию, то это заметно.

– Полагаете, отличники берутся из развитых душ? – не поверила Зоя Михайловна.

– Ну, нет, – усмехнулся Адам, – хорошие отметки, тут не причем.

– Что же тогда? – заинтересовалась Нева.

Адам вопросительно посмотрел на нее, пожал плечами:

– Это же очевидно, девочки, человек с развитой душой не сможет жить по законам человеческого общества, он станет изгоем!

– Но почему? – шепотом спросила Вера Павловна.

– Душа неподходяща? – подхватила Зоя Михайловна.

– Общество неподходяще, – окинув подруг долгим взглядом, ответил Адам, – не развитые, ничему не учащиеся люди, деградирующие в мирке материальных ценностей, будут вызывать у развитой души отвращение. Ведь это отвратительно пренебрегать ответственностью за вверившуюся тебе женщину и заделав ей ребенка, выбросить прочь, будто ненужную, износившуюся, старую вещь. Но такое происходит сплошь и кряду. Отвратительно бросать в беде родственников и друзей, отворачиваться в самый тяжелый момент их жизни, говоря, ну, как-нибудь без меня, пускай, выбирают, может, кто другой поможет. Отвратительно, когда с виду порядочный человек оказывается развратным мерзавцем добывающимся от нормальной женщины и матери-одиночки лишь одного, переспать, а после, делая чрезвычайно занятой вид, бросить ее так, как он проделывал десятки, сотни раз с другими женщинами, а иногда не гнушался нагадить в душу и безутешным вдовушкам.

– Это спорт такой? – тихо прервала его размышления, Зоя. – Гадить в душу одиноким, но все еще надеющимся на семейное счастье дамам?!

– Спорт, – подтвердил Адам, взглянув в глаза Зои Михайловны.

– И многие занимаются подобными вещами?

Адам задумался, пытаясь дать правдивый ответ, заинтересованность девочек была ему понятна, никто не горит желанием попасть в лапы негодяя...

– К сожалению, – вздохнул Адам и не договорил, без слов, глядя в наполнившиеся слезами глаза подруг.

Оглянувшись на Адама, Катя вопросительно подняла бровь.

– Хозяюшка ты моя, – похвалил он молодую женщину.

Свою улыбку Катя спрятала в платке, поднеся его ко рту, чтобы скрыть довольные смешки.

Статус замужней женщины – новинка для некрасивой одинокой вековухи.

В девчонках она часто представляла себе замужество и детишек по лавкам, и мужа-хозяина. Перешагнув рубеж в сорок лет, фантазировать перестала, погасила вспышки зависти, когда школьные подружки, одна за другой, обрастали детьми, а иные и внуками.

Осторожно взглянув на мужа, Катя улыбнулась, руки ее невольно скользнули к животу.

От Адама не укрылось ее движение материнского счастья.

– Что это? – показал он пальцем на живот жены.

– Слишком рано, чтобы быть заметному, – прикрыла она ладонью.

Адам обеспокоенно выдохнул:

– Погоди, мы не молодые уже, верно?

– Ты не молодой, – возразила Катя и испугалась, что выдала свои потаенные мысли.

– Над нами смеяться будут, – нерешительно предположил Адам.

– Пусть, – упрямо вздернула подбородок Катя.

Шумно выдохнув, Бесподобный направился к бабке Пелагее, ребенок – не шутка, на пенсию «молодому» отцу его не потянуть.

Катя проводила мужа задумчивым взглядом, она уже успела подсчитать все возможности ее с ребенком успешного выживания.

В условиях воровской Едроссии сельские жители, оставшиеся без возможностей элементарного заработка, устраивались торговать при федеральных трассах или просто сидя на обочине оживленной дороги.

Пока старый муж валялся с сердцем в больнице, Катя не сидела, сложив руки.

Не желая остаться без детского пособия, она устроилась на консервный завод, что дымил через пять километров (это, если по едва заметной тропинке идти через болота) в соседнем поселке.

Рябую, хозяин предприятия взял в работницы с удовольствием. Откуда ему было знать, что он принял беременную и через семь месяцев обязан будет по закону отправить ее в декретный отпуск, пускай на нищенское, но все же пособие?

Катя была уверена в дальнейшем будущем своего ребенка еще и потому, что деревенские яйца, что несли многочисленные куры, высоко ценились городскими жителями, проносящимися по московской трассе, неподалеку от их дома.

Коровье молоко, творог и сливочное масло тоже пользовалось успехом.

И, если подумать, торговать можно было и вечером, после смены, в выходные.

Вернувшийся с Пелагеей, Адам замороженный неестественной силой воли жены, молча, внимал ее доводам, ощущая недоумение и растерянность перед катастрофой будущего рождения ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.